

МАКСИМ КАБИР

призраки

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К12

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении обложки и внутри книги
использованы иллюстрации
Алексея Провоторова

Кабир, Максим Ахмадович
К12 Призраки / Максим Кабир.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 569, [3] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-114788-4

Максим Кабир — писатель, поэт, анархист. Беззаветный фанат жанра ужасов и мистики. Лауреат премий «Рукопись года» и «Мастера ужасов».

Добро пожаловать в мир призраков Максима Кабира!

Здесь пропавшая много лет назад девочка присылает брату письмо с предложением поиграть.

Здесь по улицам блокадного Ленинграда бродит жуткий Африкан.

Здесь самый обыкновенный татуировщик и самый обыкновенный сосед по больничной палате оказываются не теми, за кого себя выдают.

И зловещая черная церковь звенит колоколами посреди болота в глубине тайги.

Добро пожаловать в мир призраков Максима Кабира!

© Максим Кабир, текст, 2019
© Алексей Провоторов, обложка, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Болотная трилогия

ЧЕРНАЯ ЦЕРКОВЬ

— Россия,— любила повторять бабка Арина,— держится на трех китах: Боге, Сталине и железных дорогах. Как сталинскую зону закрыли, так и ветку железнодорожную, что к зоне вела, бросили. А как дороги не стало — так и часть России, что от нее кормилась, померла.

В словах старухи была доля истины. Этот суровый таежный край колонизировался в буквальном смысле: где появится колония строгого режима, туда и змеятся рельсы, там и цивилизация. Вглубь болот прокладывали путь эки-первопроходцы, а по сторонам дороги возникали поселки и целые города.

В тридцать четвертом от железной дороги Архангельск—Москва отпочковалась ведомственная ветка, не обозначенная ни на одной схеме. Вела она далеко на юг, в закрытую тогда зону, и заканчивалась станцией 33, в народе прозванной Трешки. На Трешках находился исправительно-трудовой лагерь, в котором бабка Арина во времена молодости была поварихой. Обслуживающий персонал лагеря проживал в рабочем поселке Ленинск, но Арина поселилась южнее, в рыбацкой деревушке у полноводной реки Мокровы. Там живет она по сей день с мужем Борисом, хотя и река уже не та, и лагеря больше нет. После того как Трешки закрыли, лагерьный район опустел. Ветку за ненадобностью частично демонтировали, Ленинск, как и десятки других поселений, обезлюдел. Сегодня в рыбацкой деревне живут три человека: Арина с мужем да старичок Кузьмич, их единственный сосед.

Тайга жадно пожирает брошенный кусок цивилизации. Зарастает мхом и кустарником дорога. Долгие зимы рушат пустые домики в поселке. Трешки ушли в лес, загородились стыдливо сосняком и лиственницей. Воплощенный в бесчисленных колониях, Сталин канул в вечность, унеся за собой безымянные железнодорожные полосы.

— Вся надежда, что Бог удержит нашу Россию,— шепчет Арина, под Россией подразумевая себя, деда Бориса и Кузьмича, забытых на окраине Родины стариков.

А Мокрова бежит серебряным шнурком, впадая где-то в Северную Двину, и никуда не впадающие рельсы проглядывают под зеленью.

— Бог, говоришь,— качает головой Борис, показывая жене очередной улов.

Раньше в Мокрове рыбы водилось видимо-невидимо, и Борис тянул полные сети своими сильными загорелыми руками, а Арина любовалась, какой он у нее крепкий и красивый. Силы и в восемьдесят не покинули Бориса: мышцы молодецки выступали под дубленой кожей, когда он доставал улов. Но рыбы с тех пор в Мокрове поубавилось. А последнее время попадались какие-то калеки: то карася достанет слепого от рождения, то корюшку с костяными наростами на голове.

— Гляди,— показывает Борис и вовсе странный экземпляр — вроде краснопёрка, но прозрачная вся, кости видно сквозь желейные бока и глазных впадин не предусмотрено никаких,— мутант, едрить его!

Арина ругает мужа за такие слова:

— Нечисть к ночи не поминай! А рыбу сожги, крестьясь.

Борис подшучивает над недалекой старухой, но улов бросает в костер и крестится исподтишка.

А за Мокровой поднимается синим пламенем лес, и где-то в его недрах, в ядовитом болотном тумане, стоит Черная церковь.

— Что вы знаете про Черную церковь? — спрашивают стариков гости из Архангельска, принимая у Арины тарелки с ухой. Уху она делает из консервов, не доверяет больше реке.

В двухтысячных они сюда зачастили — субтильные городские юноши и девушки с огромными рюкзаками и огромными фотоаппаратами. На арендованных «нивах» они приезжают в тайгу, чтобы запечатлеть брошенные города. Сталкерами себя кличут, да знают ли что про жизнь в мертвой таежной зоне?

Их маршрут обычно пролегает через Ленинск в Трешки. Там и правда есть на что посмотреть. Арина, когда поясница не хватает, ходит на место бывшей работы ежевику собирать. В лагере все осталось как раньше: покидали его в спешке, никому из расформированного конвоя не хотелось задерживаться здесь. Бараки гниют, в них нары гниют; бумаги, ценность потерявшие, гниют; учебки и медсанчасти гниют. Скоро-скоро Трешки станут перегноем, рухнут, как рухнула старая караульная вышка, — и ничего не останется, лишь тайга.

Щелкайте фотоаппаратами, пока можете, бледные городские дети.

Сегодня на ужин их трое пришло: два мальчика и девочка, красивая, как актриса из забытого кино. Туристы всегда заходят в поселок поглядеть, что это за рыбаки живут на окраине мира, почему не уехали вместе с остальными. Удивляются, узнав, что на всю деревушку три старика осталось. Арина с Борисом их радушно принимают, и Кузьмич в гости приходит. Он хоть маленько из ума выжил, но молодежь любит.

Дети показывают трофеи: пожелтевшие розыскные карточки, подобранные в Ленинске, фотографии Трешек (на одной видна столовая, где работала Арина). Стариков больше интересует жизнь в Архангельске. Путин, Медведев. А Ельцин умер уже.

Если даже Ельцин умер, что останется завтра, кроме тайги и болот?

Борис родился в Южанске, самом крупном населенном пункте на пути безымянной ветки. Сейчас там проживает человек триста, но всего десять лет назад это был обычный провинциальный город с достаточно развитой инфраструктурой. В девяносто шестом там даже газету выпускали — «НЛО» называлась. На все СНГ выходила. Знаете, какие темы тогда в моде были: снежные люди, пришельцы, ерунда всякая. Народ в перестройку солженицынами накушался, хотелось фантастики легкой. Вот «НЛО» и удовлетворяло запросы. Статьи там печатались одна другой глупее, но попадались и исключения. Именно в «НЛО» опубликовали забытую историю о Черной (или, по-другому, Болотной) церкви, и именно оттуда о ней узнали гости Бориса.

Но он-то желтую прессу не читал, он про Церковь и ее Архитектора с детства слышал. В Южанске про нее тогда все знали.

— Не слышал я ни про какую Черную церковь,— качает головой Борис, а сам на Кузьмича смотрит, глазами показывает, чтоб молчал. Кузьмич дурной, но понимает, что детям про такое говорить нельзя, и только сопит расстроено. Про Путина хочет разговаривать, про перспективы их края: а вдруг Путин заново лагерь построит, и жизнь наладится, и, как раньше, по брошенной дороге поезда поедут. Кузьмич бы им руками махал и дудел, как паровозный гудок...

— Но как же,— настаивает красивая девочка (Лиза ее зовут),— мы давно этой темой интересуемся, в Южанске были. Вот посмотрите.

И она протягивает старику ксерокопию документа, написанного от руки красивым почерком с «ятями» и упраздненным «і». Документ обозначен как доклад и датирован 1866 годом.

«Судом рассматривалось дело крестьянина Григория Петровича Своржа, 1831 года рождения, русского, крещеного, проживающего в городе Южанске, Архангельской губернии. Указанный крестьянин был взят под стражу по подозрению в убийстве настоятеля Михайловского храма города Южанска отца Иннокентия, в миру – Саввы Мироновича Павлицкого, убитого зверским способом в ночь на 1 мая текущего года на пороге храма. В ходе расследования подозреваемый признал свою вину и рассказал, что убил отца Иннокентия топором с целью завладения церковным имуществом. Жандармам, указавшим на отсутствие грабежа в составе преступления, пояснил, что не взял из храма ничего ввиду сильного испуга от содеянного. Учитывая чистосердечное признание подсудимого, суд постановил заковать его в кандалы и ближайшим временем отправить на каторжные работы в Сибирь пожизненно».

Ниже: дата, подпись судебного пристава (инициалы неразборчивы).

Арина читает доклад вместе с мужем, заглядывая ему через плечо. Мурашки бегут по ее коже. Оба вспоминают далекий семьдесят девятый и белозубую улыбку Павлика.

Павлик – Паша Овсянников – был им как сын, хотя знакомы они были меньше года. Его, старшего лейтенанта, перевели в Трешки из Архангельска за диссидентские разговорчики. Тридцатилетний красавец, обладавший недюжинным интеллектом и собственным взглядом на мир, возглавил лагерный конвой. Вот уж не думал Борис, что сойдется с вертухаем, а с Пашей сдружился сразу же и накрепко. От ужасов лагерной жизни сбегал лейтенант на выходные к Мокрове удить рыбу. Так они познакомились, так Паша стал добрым гостем в их доме.

Мутантов в семьдесят девятом в реке не водилось, поезда шли мимо густонаселенных берегов, эски валили лес и прокладывали дорогу вглубь таеж-

ных массивов, а Борис и Паша собирались за штофом водки обсудить политику да прессу. Интересовали лейтенанта и северные легенды, коих немало знал старший товарищ.

Арина любила Пашу, видя в нем сына, которого Бог ей не дал. Она никогда не говорила об этом вслух, но вину за смерть лейтенанта возлагала на супруга. Кто дернул его за язык, заставил рассказать про Церковь? Известно кто. Тот же, кто надоумил душегуба Своржа эту Церковь построить.

Женщина закрывает глаза и слышит паровозный гудок, и шум далекой стройки, и рев грузовичка, спускающегося к рыбацкому поселку со стороны Ленинска.

— Эй, старый! — кричит она.— Прячь антисоветскую пропаганду! НКВД едет!

— Ох, дожились! — шутливо отвечает помолодевший на тридцать лет Борис.— Слава партии, есть зачка Бухарина!

Овсянников входит в дом, кланяется хозяевам. У него ямочки на щеках и глаза голубые, как Мокрова в апреле. Только сегодня в них затаилась тревога, и задумчивая морщинка легла меж бровей.

Он снимает шинель, садится за стол.

«Уж не приключилось ли чего?» — думает Борис.

— Приключилось, Борис Иванович, приключилось.

Побеги в Трешках случались нечасто, тем более в семьдесят девятом, когда вместе с государственным режимом смягчился и режим содержания заключенных. Да и раньше бегали одни самоубийцы: бежать-то здесь особо некуда. Ежели на восток, в Архангельск или там Южанск, поймают в три счета. А к Вологодской области, в тайгу, смысла и того меньше. Дед Бориса говорил, что архангельские болота прямо в ад идут, что глубина их непостижима. Ерунда, конечно, однако утонуть в трясине проще простого. Потом, медведи, волки, кикиморы — тайга

полна разным зверьем. Заключенные и при Ежове с Берией считали, что расстрел лучше, чем сгнить в лесу. А тут такое — побег!

Борис справедливо полагал, что за последнее время вохра совсем обленилась, переложив свои обязанности по охране эков на природные условия края. И вот итог: вчера перед отбоем обнаружили нехватку двоих рецидивистов.

— Мы,— Паша говорит,— до рассвета подождали, а только небо порозовело, пошли на восток. В октябре проверка из Москвы, не хватало нам такого конфуза. Взвод пошел, там, где рельсы заканчиваются, разделились по трое.

— Через Пешницу пошли? — спрашивает Борис. Пешница — так называлось когда-то село за станцией; его, когда Боря маленьким был, лесной пожар уничтожил, да так и осталось пепелище.

— Через Пешницу и вглубь. Где Мокрова мельчает.

Борис присвистывает: далеко зашли. В памяти всплывают истории стариков про духов леса, про кикимор с болотницами, про церковь Своржа.

А Паша рассказывает. Шел он с двумя подчиненными, палкой прощупывал почву на предмет топи. Выбирал такой маршрут, какой выбрал бы, будь он беглецом. К девяти утра наткнулся на прогнившие деревянные сваи, что в былые времена поддерживали мост. Моста нет, а эти почерневшие бивни остались. И возле них следы недавнего привала. Попались голубчики.

По свежим следам повел Паша свою группу дальше. А потом... потом...

— Ты, Паша, рассказывай, ничего не скрывай. И не бойся глупым показаться. Ужель птицы петь перестали?

Паша удивленно вскидывает брови: откуда знаете?

— Да как же, пятьдесят лет здесь обитаю. Кое-что про тайгу нашу слышал.

— Да,— продолжает Паша,— птицы замолчали. Будто пластинку кто-то выключил. Резко так. И потемнело, словно сумерки уже. Мне не по себе стало, но я от ребят скрыть пытаюсь, хотя вижу — и они смущены. Вокруг сосны, торфяник. Мысли о смерти в голову лезут. И еще чушь всякая. И это... перекреститься захотелось.

Член партии смущенно опускает глаза. Он, наверно, и креститься-то не умеет, а вот захотел. Потребовалось.

— Стыдиться нечего,— твердо говорит Борис.— Я в детстве туда по грибы ходил. И креститься хотелось, и в монахи постричься. Нехорошее место, Павлик, очень плохое. Если зэки твои пропали — не найдешь. И искать не стоит.

Лейтенант молча смотрит в окно, на тайгу за Мокровой, а потом негромко говорит:

— Так мы нашли. Нашли.

И впрямь нашли — недалеко от моста разрушенного, на природной зальсине посреди леса. Одного — мертвым, другого — абсолютно сумасшедшим.

— Бывает ли такое, чтоб человек за одну ночь с ума сошел? — спрашивает Паша.— Да ладно, человек — Михайлов, бандит, каких свет не видел. Он в Омске дюжину людей зарезал, и ничего, психика не расстроилась. А тут...

А тут рецидивист Михайлов задушил товарища по побегу Челядинова, набил полные уши болотного ила (и себе, и трупу) и сел посреди поляны дожидаться конвоиров.

— Еще и пел при этом! — подчеркивает ошарашенный Овсянников.

— Что пел? — не из праздного любопытства уточняет Борис.

— Да может, и не пел, а просто повторял: «Бом-бом-бом»... Но нараспев так... На нас никак не прореагировал. Глаза стеклянные, в одну точку смотрит и талдычит свое. Мы его под белые ручки и доста-

вили в лагерь. Он сейчас в лазарете связанный, что с ним делать, ума не приложу. Мои орлы тоже молодцы — едва заставил вернуться за Челядиновым. Борис Иванович, я вот думаю, может, они ягод каких съели, что крыша у них поехала?

— Тут не в ягодах дело,— отвечает Борис.— Ты, Паша, про Черную церковь слышал?

— Не слышали мы ни про какую церковь,— отвечает Борис детям в две тысячи девятом году,— ближайшая церковь в Южанске. Раньше в лагере было что-то вроде молитвенного домика — будка такая с иконой. Но она в девяностых сгорела.

Кузьмич прячет глаза, когда красавица Лиза обводит присутствующих пытливым взором.

«Не верит,— понимает Арина, и тоска пронзает ее сердце.— Истину ищут, бесята, а истина-то в болоте на дне!»

— Вы не могли о ней не слышать,— произносит Лиза. Она явно главная в их троице. Парни молчат, смущенные ее наглостью.— Вот здесь о ней писали.

Девушка достает из рюкзака потрепанную газету со статуями острова Пасхи на обложке. Южанская «НЛО» за девяносто шестой год.

Борис хочет ответить, что подобный мусор не читает, но его сбивает выражение Лизиного лица. С какой мольбой, с какой надеждой смотрит она на него!

— Я эту статью в детстве прочитала,— говорит девушка,— в девять лет. И так мне эта история врезалась в память, что когда мы с ребятами начали сайт про аномальные явления верстать, первое, что в голову пришло,— написать о Болотной церкви. Я все архивы облазила, все, что можно, нашла. Здесь она была, возле Трешек. Но где именно? Где?

Борис разворачивает газету, шелестит желтыми страницами. На развороте статья с громким названием «Таежное чудо».

Старик пробегает глазами по строчкам: «Чем занимался Сворж в ссылке, никто не знает, но достоверно известно, что через тринадцать лет после убийства батюшки он вновь появился в Южанске. Живой и очень страшный».

О том, что Григорий Петрович Сворж вернулся, в Южанске слышали. Его даже видели несколько раз: заросшего бородой до самых глаз, постаревшего, будто почерневшего кожей. Он-де ночевал по оврагам, питался на базарной помойке. Сдавать жандармам его не стали. Люди полагали, что человек, который пешком прошел от Сибири до Южанска, свой ад уже перенес, и мучить его сверх того не побожески. Была еще одна причина — жуткий взгляд черных-пречерных глаз каторжника. Связываться с ним не хотели. Поговаривали, что из ссылки он сбежал не один и что товарищами своими в пути питался. Поговаривали, что за грязными усами он скрывает клыки. Да мало ли что поговаривали. В конце концов, Сворж недолго пробыл в Южанске. В тысяча восемьсот восьмидесятом (ему тогда было почти пятьдесят лет) он ушел на восток, и след его затерялся еще на несколько лет.

Всплыло имя Григория Петровича в середине восьмидесятых годов XIX века. По краю прошел слух, будто на болотах за Пешницей поселился страшный как черт мужик и будто строит он там дом.

— Не дом он строит, а дворец! — говорили сельские жители.— Уже три этажа возвел, самостоятельно!

— Из чего ему строить? — не верили скептики.— Не иначе, в Вологде гвоздей закупил?

— Без гвоздей строит! — клялись первые.— Из коряг, из окаменевших деревьев да грязи. А по ночам ему строить караконджалы помогают.

Караконджалами в народе называли спутников Лиха Одноглазого — рогатых безобразных тварей.

— Вот что! — вступал в разговор взрослых веснушчатый мальчуган. — Я на болотах ягоду собирал, собственными глазами стройку видел. Нет там никаких караконджал. А Сворж есть. Косматый, злой. И то, что он строит, верно, только это не дом, а церковь. Черная она — что стены, что крыша. По бокам ее балки подпирают — бревна сосновые. Вся она неровная, неправильная — жуть берет. С купола ил стекает, а на маковке вместо креста перекрученная коряга. Я, как увидел, сразу оттудова деру дал!

И вновь пошли слухи, от Пешницы до Южанска, про церковь Болотную Черную, хоть ее саму мало кто видел. Не потому, что пряталась она, а из-за страха людского разумного на грешное дело смотреть. Но были смельчаки, и подтверждали они: Церковь существует.

— Ну и что! — отмахивались упрямые скептики. — Согрешил человек, теперь вот грехи замаливает, храм для лесных зверюшек строит.

— Не для зверюшек, а для хмырей болотных. И сам он уже на человека не похож: лает, на четвериках скачет, да знай бока своего уродства глиной смазывает.

Но какой бы невидалью ни была болотная стройка, глаза она не терла, ибо оставалась скрытой в таежной чаще. И Архитектор (как прозвали каторжника) к людям не заживал. Шли годы, церковь превратилась в местную страшилку, обросла вымышленными подробностями вроде икон с рогами мордами и трона внутри (для самого Лиха). В восемнадцатом году людям было не до фольклора. Гражданская война докатилась и до самой тайги. Интервенты захватили Архангельск. Потом, в двадцатом, пришли большевики, и неожиданно даже для местных жителей один архангельский комиссар вспомнил про Болотную церковь.

Борис опускает глаза в низ газетной страницы, на фамилию автора статьи.

— Почему бы вам не расспросить этого Павлухина В. А.?

Он искренне надеется, что некий Павлухин В. А. давно мертв и не сможет послать детей туда, куда сам Борис когда-то послал лейтенанта Овсянникова. Он удивляется, когда Лиза говорит:

— Мы хотели его разыскать, но оказалось, что автор «Таежного чуда» погиб. Вскоре после выхода этого номера Павлухина разорвала его собственная овчарка.

— Случается,— стараясь скрыть эмоции, бубнит Борис.

— Может быть, вы вспомните? — просит девушка.— В детстве вы наверняка слышали эту историю. Большевики хотели использовать Церковь в антирелигиозной пропаганде, показать народу, до каких извращений дошли богомольцы. Они отыскивали храм Своржа, но что случилось потом?

Потом...

Потом был семьдесят девятый год, водка в граненых стаканах, сало и черный хлеб, закат на пиках сибирских елей, и еще живой Паша Овсянников...

— И что же, нашли большевики эту церковь? — спрашивает Паша. А Борис продолжает рассказывать историю Своржа и не замечает, как горят глаза слушателя. Как жадно внимает он каждому слову.

— А то. Их местный мальчуган провел. Комиссары как увидели плод многолетних трудов мастера-отшельника, так и побагровели от ярости. Всякое желание агитировать пропало. Одно желание осталось — стереть с лица земли богомерзкое сооружение, да поскорее. Они-то все умерли вскоре, красноармейцы эти, но мальчик-проводник прожил долго и говорил, что старшой их плевался и кричал: мол, уничтожить немедленно. Порешили они вернуться с пулеметами и издалека церковь расстрелять.

— А чего ж не сжечь или взорвать?